УДК 339.9 Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 2

Северокорейские рабочие в России: критерии отбора и мотивация работников

А. Н. Ланьков

Университет Кунмин, Сеул,
Республика Корея, 02707, Сеул, Сонбук-ку, Чоннын-киль, 77

Для цитирования: *Ланьков А. Н.* Северокорейские рабочие в России: критерии отбора и мотивация работников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 206–224. https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.206

На протяжении последних 70 лет северокорейские рабочие почти постоянно находились на территории СССР и РФ. К 2015 г. их число превышало 30 тыс., причем большинство из них было занято в строительстве. Условия труда этих рабочих являлись крайне тяжелыми, но в самой Северной Корее за возможность отправиться на работу за рубеж всегда шла жесткая конкуренция. Связано это с тем, что работа за рубежом, в том числе и в России, несмотря на тяжелые условия и немалые принудительные отчисления в бюджет, дает возможность большинству рабочих скопить за время командировки очень значительные, по северокорейским меркам, средства. Эти средства обычно становятся основой малого семейного бизнеса (киоски, столовые, мастерские), и таким образом могут обеспечивать благополучие семьи на протяжении длительного времени. В статье демонстрируется, что распространенные в СМИ представления о труде северокорейских рабочих как о «рабском» и «подневольном» являются необоснованными — для того, чтобы быть отобранными для такой работы, практически всем кандидатам приходится платить взятки и использовать имеющиеся связи, причем при отборе на работу предпочтение отдается представителям привилегированных слоев (члены партии, жители Пхеньяна). Статья широко использует интервью с северокорейскими рабочими-строителями.

Ключевые слова: миграция, КНДР, иностранные рабочие, Россия, коррупция.

Осенью 1946 г., т. е. в те времена, когда северокорейского государства еще не существовало, первые группы рабочих из Северной Кореи отправились в СССР трудиться на рыбных промыслах. Так началась история экспорта за рубеж северокорейской рабочей силы — история, которая продолжается и до сего дня. При этом особую роль в программах экспорта северокорейской рабочей силы всегда играла Россия-СССР, хотя работали граждане КНДР и во многих иных странах.

Внимание исследователей не может не привлечь тот факт, что проект (точнее, последовательность сменявших друг друга, но тесно друг с другом связанных проектов) по импорту северокорейской рабочей силы в СССР / РФ оказался столь живучим. На протяжении прошлых десятилетий существовали и иные совместные проекты, но они не пережили тех кризисов, которые были вызваны как регулярными осложнениями советско-северокорейских отношений, так и, главное, распадом СССР. Та удивительная живучесть, которую продемонстрировал экспорт рабочей

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

силы, вызвана, в первую очередь, принципиально неполитическим характером этого проекта: за экспортом рабочей силы стоят не постоянно меняющиеся политические соображения или геополитические амбиции сторон, а весьма ощутимая экономическая выгода, которую стороны получают от его реализации.

При этом «сторон» в данном проекте больше, чем две. Когда мы говорим о «сторонах», т. е. более или менее автономных участниках проекта, преследующих в ходе его реализации собственные интересы, имеем в виду не только правительства СССР / РФ и КНДР, но и совокупность заинтересованных акторов, действующих внутри и северокорейского, и советского / российского обществ. В случае с КНДР таким актором являются сами рабочие, которые, как мы продемонстрируем в этой статье, не только заинтересованы в сохранении и развитии проекта, но и активно добиваются возможности принять в нем участие (движимые, как легко догадаться, собственными интересами, которые не всегда совпадают с интересами северокорейской политической элиты). Именно эта заинтересованность всех участников позволяет проекту не просто держаться на плаву, но и развиваться в, казалось бы, политически самых неблагоприятных условиях — например, экспорт рабочей силы не прекратился в даже девяностые годы прошлого столетия, когда отношения между Москвой и Пхеньяном были, мягко скажем, не слишком дружественными и когда обе страны, вдобавок, находились в состоянии тяжелейшего экономического кризиса.

Успех проект(ов) по экспорту рабочей силы может послужить уроком для тех, кто думает о развитии отношений между Россией и Республикой Корея. Этот успех, равно как и коллапс целого ряда других проектов сотрудничества, с немалой помпой запускавшихся и в советские времена, и в 2010-е годы, демонстрирует, что основой долговременного успешного сотрудничества может быть только экономический интерес всех сторон (не только центральных правительств), а не геополитические и тем более идеологические соображения, которые зависят и от внутриполитической ситуации, и от постоянного меняющегося расклада сил в мире.

Сам факт нахождения за рубежом северокорейских рабочих по-настоящему стал привлекать к себе внимание и прессы, и ученых только в последние годы — и внимание это трудно назвать благожелательным. Даже беглое знакомство с теми статьями на эту тему, что появились в основных англоязычных периодических изданиях в 2017–2018 гг., хорошо показывает, как эта тема обычно освещается в западных СМИ: «Как военнопленные: северокорейские рабочие в России и чемпионат мира 2018 года» (Guardian) [1], «Северокорейцы трудятся в России на положении рабов» (New York Times) [2], «Несмотря на санкции ООН, Россия использует северокорейский “рабский труд”» (Telegraph) [3], «Ким Чен Ын отправляет северокорейских рабов в Россию, чтобы добыть для режима наличные» (Fox News) [4]. Этот список можно легко продолжить — для СМИ стало штампом описывать северокорейских рабочих как «рабов», а их отправку за рубеж — как «современную работорговлю».

Впрочем, как российские, так и, главное, южнокорейские СМИ занимают по этому вопросу не столь однозначную позицию. Пожалуй, лучше всех главный парадокс, связанный с положением северокорейских рабочих за рубежом, выразил Василий Головнин, известный российский журналист, который на протяжении всей своей жизни работал в странах Восточной Азии. В 2017 г. он дал одной

из своих статей меткий заголовок: «Жизнь в России гастарбайтеров из КНДР — это концлагерь, но они прилагают немало усилий, чтобы попасть в рабство» [5]. Чу Сонха, возможно, самый влиятельный южнокорейский журналист из числа северокорейских эмигрантов, в 2014 г. назвал свою статью столь же однозначно: «Мечта северокорейского рабочего: быть отправленным за границу» [6]. Ли Сынчжу, который много лет занимался изучением проблем, связанных с положением северокорейских рабочих за границей, подчеркивает: «Несмотря на эти [тяжелые условия труда], большинство северокорейцев надеются на то, что [власти] отправят их на работу за границу» [7, с. 59].

Целью настоящей статьи является рассмотрение тех факторов, которые делают работу за рубежом — в частности в России — столь притягательной для жителей КНДР. Мы также рассмотрим мотивацию рабочих и те стратегии, которые они используют для того, чтобы получить возможность выехать на работу за границу.

Особое внимание при подготовке статьи уделяется материалам интервью бывших северокорейских рабочих, которые покинули страну и в настоящее время проживают в Южной Корее. За одним исключением наши интервьюируемые (шесть бывших рабочих и один менеджер, а также два человека, опыт которых представляет интерес для данной статьи) работали в России в период с 2005 по 2016 г. Все интервью были проведены в 2017–2018 гг. в Сеуле (табл.). Чтобы защитить личность респондентов, мы ссылаемся на них, используя только условные номера (R1–R9), что является обычной практикой в исследования, связанных с КНДР. Дополнительный материал был собран во время поездки автора во Владивосток в конце 2018 г.

Таблица. **Данные респондентов**

Номер респондента	Год рождения	Период работы в России	Род занятий	Дата интервью
R1	Около 1970	2014–2016	Строитель	3 марта, 2018
R2	Около 1960	1990-е (дважды)	Строитель	2 декабря, 2017
R3	Около 1970	2010-е	Строитель	11 марта, 2018
R4	Около 1970	2005–2011	Строитель, менеджер	10 декабря, 2017
R5	Около 1975	2007–2015	Строитель	2 апреля, 2018
R6	Около 1970	Около 2015	Строитель	8 апреля, 2018
R7	Около 1965	Около 2010	Менеджер	30 апреля, 2016
R8	—	—	Китайский бизнесмен, нанимающий северокорейских рабочих	19 января, 2016
R9	Около 1985	—	учительница	5 июня, 2017

В заключение следует упомянуть, что принятые в 2016–2017 гг. резолюции Совета Безопасности ООН фактически запрещают использование труда северокорейских рабочих и требуют их насильственной высылки домой по истечении 24 меся-

цев с момента принятия последней резолюции. В то время, когда шла подготовка данной статьи, было не ясно, до какой степени резолюции эти будут претворены в жизнь. Тем не менее читателям следует иметь в виду, что статья описывают ситуацию, существовавшую в 2007–2017 гг., т. е. до момента принятия соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН.

Работа в России: тяжелый труд

В первом приближении всю историю работы северокорейских рабочих в СССР и России можно разделить на три этапа. На первом, начавшемся в 1946 г. и продолжавшемся до конца 1950-х годов, северокорейские рабочие приезжали в СССР по своей инициативе и в индивидуальном порядке («вербуясь» в представительствах соответствующих советских предприятий на территории северной Кореи) и в основном работали на предприятиях рыбной промышленности советского Дальнего Востока [8, с. 80–91]. На втором этапе, который продолжался с середины 1960-х и до начала 1990-х годов, и наем рабочих, и их использование организовывались непосредственно властями обеих стран, а сами рабочие были заняты в основном в лесной промышленности, причем строго на государственных предприятиях. На третьем этапе, который начался вскоре после распада СССР и продолжается до настоящего времени, рабочие набираются по-прежнему централизованно, северокорейскими властями, но на территории России они пользуются немалой автономией и заняты в своем большинстве в строительной индустрии, обычно работая в проектах, которые осуществляются малыми и средними фирмами [9, с. 84].

По состоянию на 2016 г. на территории России находилось 31 500 северокорейских рабочих [10], причем около 80 % из них были заняты в строительстве [11]. Помимо России, в 2010-е годы северокорейские рабочие находились также в Китае, некоторых странах Ближнего Востока и в странах Юго-Восточной Азии, а также, в небольшом числе, в странах Европы и Африки.

Почти все северокорейские рабочие в России являются мужчинами, хотя около 2010 г. в России стали в небольших количествах появляться и северокорейские работницы, занятые, в основном, на предприятиях текстильной и пищевой промышленности. Кроме того, некоторое количество кореянок с давнего времени работает официантками и поварами в ресторанах северокорейской кухни.

Говоря о положении северокорейских рабочих за границей, Джон Коннелл писал: «Северокорейцы обычно заняты на грязной, опасной и сложной работе, <…> многие из них также трудятся в таких регионах, как Сибирь и Дальний Восток в России или Саравак на Борнео […, то есть в местах], где местные граждане работают крайне неохотно. Низкая заработная плата, плохие условия труда, дисциплина и жесткий контроль со стороны менеджмента лежат в основе всей системы [северокорейской] трудовой миграции» [12, с. 69–70]. Эти замечания в полной мере относятся и к северокорейским рабочим в России.

В рамках данной статьи едва ли имеет смысл много говорить о тех тяжелейших условиях, в которых находятся северокорейские рабочие, — об этом часто пишут в западных изданиях [13; 14]. Хотя некоторые из содержащихся там утверждений и кажутся преувеличенными, бóльшая часть приводимых фактов не вызывает сомнений и подтверждается самыми разными источниками.

С конца 1990-х годов в России труд северокорейских рабочих организован по одной из двух моделей. Некоторые из рабочих (в 2010-е годы — меньшинство) проживают в общежитиях, где они находятся под постоянным наблюдением северокорейских чиновников и сотрудников спецслужб, и работают на отведенных им объектах. Передвижение по городу рабочим этой категории либо вовсе запрещено, либо, чаще, разрешается только группами, под наблюдением «старшего» и в соответствии с жесткими правилами, главная цель которых — свести к минимуму контакты рабочих с местным населением. Эта модель применяется на обрабатывающих производствах (где, кстати, среди работников иногда присутствуют и женщины), в лесной промышленности, а также на некоторых строительных объектах, обычно — более крупных.

Большинство северокорейских рабочих, однако, трудятся по так называемой «контрактной системе». В рамках этой модели рабочие входят в состав автономных «контрактных бригад», в которые они обычно вступают по своей инициативе. Некоторые такие бригады существуют в течение длительного времени и участвуют в нескольких проектах, в то время как другие создаются под конкретный проект и расформировываются после его окончания. Этот режим работы «по контракту» особенно распространен в строительстве [11; 15] (R1; R3; R4; R7). Широкое распространение этого метода в последние два десятилетия связано с тем, что он позволяет эффективно использовать основное конкурентное преимущество северокорейских рабочих — крайнюю гибкость, готовность трудиться на малых и очень малых проектах, часто — просто участвуя в ремонте или постройке индивидуальных домов и квартир в частном порядке, под непосредственным руководством владельцев жилья.

«Контрактная бригада» заключает сделку с российской компанией (или, временами, даже с частным лицом), который является заказчиком работ — причем этого заказчика бригада обычно находит сама. Ожидается, что те рабочие, которым позволяется трудиться по контракту, буду делать регулярные (обычно ежемесячные) платежи в бюджет той северокорейской организации, к которой они приписаны и от имени которой направлены на работу в Россию. Размер этих «плановых платежей» фиксирован и представляет собой некую сумму в долларах США, которая никак не зависит от заработка рабочего, но обычно устанавливается на уровне 50–60 % его предполагаемого заработка. Невыплата «плановых платежей» ведет к отправке рабочего домой. Собственно говоря, именно выплата этого «оброка» считается главной обязанностью северокорейского рабочего за границей — при этом его руководство не вмешивается в то, как и где он работает (R5; R6; R7).

Понятно, что такая организация уже сама по себе предусматривает, что рабочие, занятые в «контрактных бригадах», будут пользоваться немалой свободой, включая и почти полную свободу передвижения по городу. Теоретически они должны следовать определенным правилам, но на практике эти правила постоянно игнорируются.

Северокорейские рабочие трудятся в крайне тяжелых условиях, причем условия труда в «контрактных бригадах», работа в которых в целом считается более выгодной, существенно хуже — во многом из-за того, что в таких бригадах отсутствует контроль и за техникой безопасности, и за соблюдением иных норм Трудового кодекса. Среди работников контрактных бригад в некоторых случаях смены

могут продолжаться до 16 часов, а рабочий день в 10–12 часов (при двух выходных в месяц) считается нормой (R1; R2; R4; R7).

По сообщению РИА Новости, в результате несчастных случаев на производстве в России только в 2016 г. погибло 13 северокорейских рабочих [16]. Это означает, что около 0,04 % присутствующих в России северокорейских рабочих в течение 2016 г. погибли в результате несчастных случаев. Это в четыре раза выше среднего по российской строительной индустрии: в 2015 г. жертвами несчастных случаев со смертельным исходом стало 0,01 % всех работников отрасли [17; 18].

Живут рабочие также в тяжелых условиях, причем, опять-таки, это в первую очередь относится к работникам «контрактных бригад», члены которых часто предпочитают устраивать жилье непосредственно на объектах, — это помогает им экономить и время, и деньги. В таких импровизированных общежитиях трудно стирать и вообще соблюдать даже самую базовую гигиену, а примитивность используемых там систем отопления (обычно — металлическая печь-буржуйка) зимой часто приводит к пожарам и отравлениям угарным газом [19].

Впрочем, следует отметить, что рабочие по-разному оценивают те условия труда и быта, в которых они находились. Так, один из интервьюируемых сообщает: «…отправляясь на работу за рубеж, я знал, что будет тяжело, но не знал, что будет настолько тяжело» (R2). Двое других сказали, что условия, в которых они находились, были никак не хуже тех, в которых за куда меньшую плату трудятся рабочие внутри страны (R3, R6).

На первый взгляд, вся эта картина только подтверждает представление о работе граждан КНДР за границей как о «современном рабстве». Однако такой подход игнорирует одной крайне важное обстоятельство, о котором уже говорилось выше: граждане КНДР считают работу за границей крайне привлекательной, и для того, чтобы эту работу получить, используют все законные и не очень законные методы. Не случайно повторные поездки являются нормой: большинство рабочих, закончив свою первую зарубежную поездку, которая обычно длится от двух до пяти лет, хотели бы поехать за границу снова — и многим это удается [7] (R1; R3; R7).

Работа в России: большие деньги

В связи с этим не может не возникнуть вопрос о том, в чем же заключается причина явной привлекательности работы за рубежом, которая, казалось бы, является и весьма опасной, и запредельно тяжелой. Ответ на этот вопрос, впрочем, не составляет особого труда: и наши респонденты, и авторы многих исследований, посвященных этой тематике, согласны с тем, что для большинства северокорейцев, не имеющих ни связей в правящей элите, ни денег для того, чтобы начать свой бизнес, поездка на работу за границу является единственной возможностью заработать деньги, которые потом обеспечат благополучие из семьи.

Интервьюируемый строитель сказал: «Почти все в Северной Корее хотят поехать [рабочим за границу]. В Северной Корее мы все знаем, что только в том случае, если работаешь за границей, ты можешь заработать хорошие деньги. Те, кто ездят на работу за границу, по возвращении домой живут куда лучше, чем все те, кто остался дома» (R2). Когда И Эриа, одного из ведущих специалистов по проблемам северокорейских рабочих за границей, во время интервью спросили, чем работа

за рубежом является для жителей КНДР, она ответила недвусмысленно: «В Северной Корее зарубежная работа рассматривается как возможность разбогатеть» [20, с. 38]. Подобные выводы стали общим местом в большинстве исследований, посвященных северокорейским рабочим за рубежом, и они, безусловно, подтверждаются и нашими материалами [15, с. 25].

Впрочем, деньгами, хотя они и играют решающую роль, дело не ограничивается. По крайней мере двое респондентов в числе причин, которые делают работу за рубежом столь притягательной, упомянули и возможность посмотреть мир. Учитывая, что репутация КНДР как самой закрытой страны современного мира является вполне заслуженной, такую мотивацию тоже не следует сбрасывать со счетов (R5; R6).

Конечно, и заработки, и накопления, которые удается привезти домой после поездки за границу, могут сильно различаться, — тут играют роль и квалификация работника, и состояние его здоровья, и, наконец, просто везение. Как замечают респонденты, в том числе и опрошенные другими исследователями, «работая за границей, люди зарабатывают по-разному» [15, с. 38] (R5). Тем не менее, при всех индивидуальных вариациях и проблемах, большинство рабочих в конечном итоге возвращаются домой с суммами, которые сильно превосходит все то, что они могли бы заработать в том случае, если бы трудились дома.

Имеет смысл привести оценки того, какую сумму мог привезти домой северокорейский рабочий после нескольких лет, проведенных за границей. Важно подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о суммарном заработке рабочего, а о той сумме, которую ему в итоге удается отложить и потом привести домой, — заработок как таковой, конечно, существенно больше этой суммы итоговых накоплений. Размер типичных сбережений северокорейского рабочего в России для периода 2005–2017 гг. составлял: «от 200 до 3000 долларов в год» [19, с. 33], «от 2000 до 4000 долларов за три года» [5], «чуть более 1000 долларов за три года» [15, с. 35], «около 1500 долларов в год» [15, с. 36], «2000–3000 долларов в год в хорошие времена до девальвации рубля в 2014 г. и 800–1500 долларов после этого» (R3), «от 1000 до 2500 долларов в год» (R5), «около 2000–2500 долларов в год» (R4), примерно 3000–4000 долларов за три года» (R6).

Таким образом, в результате стандартной командировки в Россию, которая обычно длится три года (продления возможны, но не гарантированы), северокорейский рабочий может отложить и, соответственно, привести домой от одной до девяти тысяч долларов США, хотя для большинства накопленная за это время сумма составляет примерно четыре тысячи долларов. По меркам Северной Кореи, это очень солидные деньги, намного больше того, что без выезда из страны могут накопить даже самые квалифицированные работники.

Сведения о размерах заработной платы в КНДР являются скудными и неполными — в основном из-за характерного для этой страны культа тотальной секретности. Тем не менее известно, что в 2015 г. месячная заработная плата высококвалифицированных рабочих на привилегированных предприятиях ВПК могла достигать одного миллиона северокорейских вон (примерно 125 долл. США в то время) [21]. Если говорить о ситуации на другом конце шкалы зарплат, то в 2018 г. приходящей служанке-домработнице в Пхеньяне платили примерно 15 долларов в месяц [22]. В сентябре 2018 г. проживающий в Пхеньяне иностранец в личной бе-

седе с автором сообщил, что «нормальная» месячная заработная плата в Пхеньяне в то время колебалась в диапазоне от 30 до 70 долл. Это означает, что типичные *сбережения* северокорейского рабочего за границей (примерно 1500 долларов в год) несколько превышают ту *заработную плату*, на которую могут рассчитывать даже самые высокооплачиваемые рабочие внутри страны, — и понятно, что эти рабочие могут отложить лишь относительно небольшую часть того, что они зарабатывают.

Несмотря на то что рабочие часто вывозят деньги из России в виде наличной валюты, для возвращающихся на родину рабочих имеет больший смысл приобретать в России товары, которые потом могут быть с выгодой перепроданы в Северной Корее [19, с. 50] (R3; R9). По устному сообщению одного из коллег, официантки, работающие в северокорейских ресторанах во Владивостоке (одна из немногих групп находящихся за границей на работе северокорейских женщин), часто покупают в местных магазинах косметику, которую они потом перепродают в Северной Корее с прибылью в 200–300 %. Необходимость покупать товары для перепродажи даже побуждает руководителей «неконтрактных» рабочих, у которых обычно почти нет возможности передвигаться по городу, организовывать для них регулярные выезды на рынки и в магазины.

Конечно, поездка на работу за рубеж связана с немалым риском, в том числе и финансовым, и далеко не все рабочие возвращаются домой с теми суммами, на которые они изначально рассчитывали. Один из респондентов, например, стал жертвой мошенничества (мошенническая схема была организована другими северокорейцами), а также немало пострадал от возникших во время командировки проблем со здоровьем, так что финансовым результатом тех двух лет, которые он провел в России, стала скромная сумма в 800 долларов — хотя изначально он надеялся провести в России три года и накопить за это время примерно пять тысяч долларов (R1). Так же неудачно окончилась поездка в Россию и для другого респондента, который в итоге из-за плохого состояния здоровья и элементарного невезения не заработал за командировку практически ничего, хотя и рассчитывал на то, что к концу своей трехлетней поездки на Дальний Восток России он сумеет отложить от четырех до шести тысяч долларов (R3).

Следует также иметь в виду, что существует большая разница в уровне доходов между рабочими и менеджерами (включая менеджеров «контрактных бригад», известных их российским партнерам как «капитаны»). Годовой доход менеджеров обычно исчисляется несколькими десятками тысяч долларов, а в отдельных случаях может и превышать уровень в 100 тыс. долл. [19] (R7). В большинстве своем менеджеры являются выходцами из элиты, но известны случаи, когда гражданин КНДР, прибыв в Россию простым рабочим, впоследствии превращался в менеджера. Например, один из наших респондентов, прибыл в Россию рабочим, но потом, благодаря знанию русского языка, умению налаживать связи и предприимчивости, стал менеджером/брокером, который занимался поиском заказов для контрактных бригад. За первый год работы в России, который он провел, будучи простым рабочим-строителем, он отложил всего 400 долларов. Однако примерно через год после прибытия в Россию начал работать брокером и с тех пор откладывал около 10 тыс. долл. в год (R4).

По возвращении домой рабочие часто используют заработанные за границей деньги для приобретения недвижимости — в КНДР, несмотря на формаль-

ное отсутствие частной собственности на объекты недвижимости, уже четверть века существует весьма активный рынок жилья. В настоящее время тех средств, которые может заработать за рубежом простой рабочий, заведомо не хватает на покупку резко подорожавшего жилья в Пхеньяне и некоторых крупных городах, но этих денег по-прежнему достаточно для приобретения жилья — пусть, возможно, и скромного — за пределами главных городских центров. В 2014 г. квартира в многоквартирном жилом доме в городе Пхёнсон, недалеко от Пхеньяна, стоила 3–4 тыс. долл. [23], в то время как в Пхеньяне цена наиболее дешевых домов или квартир в 2016 г. составляла около 20 тыс. долл. [24].

Заработанные за границей деньги могут также использоваться и в иных целях — например, для того, чтобы финансировать образование детей или организовать лечение некоторых членов семьи (бесплатное лечение, о котором столь охотно говорит северокорейская пропаганда, давно уже стало фикцией — да и с «бесплатным образованием» в КНДР все обстоит не совсем однозначно). Однако наиболее типичной, кажется, является ситуация, когда по возвращении домой рабочие вкладывают заработанные за рубежом деньги в малый бизнес. На практике этим бизнесом обычно распоряжаются их жены — в соответствии со сложившейся в КНДР еще в 1990-е годы практикой в малом и отчасти среднем частном бизнесе однозначно доминируют женщины [25].

Одна из респондентов, жительница среднего по размерам города на границе с Китаем, рассказывала: «Из нашего города люди стали ездить на работу в СССР с 1970-х годов, а то и раньше. По соседству с нами в начале 2000-х годов жило три таких семьи. В одной семье мужчина, который работал в России, стал там алкоголиком и вскоре после возвращения умер, но вот две другие семьи разбогатели благодаря заработанным в России деньгам и привезенным оттуда [для перепродажи] товарам. Я помню, как один из них приехал домой с целым грузовиком, полным товаров из России. Они продали бóльшую часть товаров, а затем на эти деньги купили две большие китайские вязальные машины и стали дома делать перчатки и трикотажную одежду для продажи на рынке. Семья эта разбогатела. Еще один мужчина, который работал на стройках в России, после возвращения купил своей семье хороший дом, а его жена начала заниматься крупной торговлей на рынке. У обоих этих мужчин был плохой сонбун (семейное происхождение. — *А. Л.*), у одного из них даже были родственники в Южной Корее, поэтому им пришлось платить большие взятки, чтобы их отправили в Россию работать» (R9).

В ответ на вопрос о том, почему он решил искать возможностей для поездки на работу за рубеж, респондент R6 сослался на пример своих соседей по дому. Рядом с ним в Пхеньяне жили люди, которые некоторое время проработали за границей в качестве рабочих. Он увидел, что они все вернулись обеспеченными людьми, самим своим видом наглядно подтверждая уверенность жителей КНДР в том, что работа за границей, какой бы тяжелой и опасной она ни была, с большой вероятностью может стать путем к процветанию.

Этот же респондент заметил, что его работавшие за границей соседи обычно вкладывали деньги в какой-то частный бизнес. Он объяснил: «…в противном случае деньги были бы рано или поздно потрачены, но если деньги вложены в дело, они будут приносить доход всегда» (R6). Например, один из его соседей, отработав несколько лет в России, на привезенные домой деньги открыл небольшую мастер-

скую, занимающуюся производством мебели, и немало преуспел (R6). О тенденции вкладывать деньги в семейный бизнес говорили и иные наши респонденты — благо, «ползучая приватизация» северокорейской экономики в период после 1990 г. создает для этого немало возможностей.

Респондент R8, китайский бизнесмен (этнический кореец), который уже много лет активно использует труд рабочих из КНДР, в 2016 г. так описывал намерения и надежды своих северокорейских работников: «Они в основном хотят по возвращении купить прилавок, т. е. постоянное место на рынке. Если речь идет о Пхеньяне, то на покупку такой точки нужно 3000 долларов, и еще 2000 долларов надо вложить, чтобы начать бизнес. Они отдают своим женам то, что заработали за рубежом, и жены приобретают точку и управляют ею или занимаются иным бизнесом, а рабочие стараются опять выехать за границу, чтобы заработать денег на расширение бизнеса. На следующем этапе они могут купить еще одну торговую точку, а могут открыть и ресторан» (R8).

Какими бы скромными ни казались нам доходы северокорейских рабочих, для большинства из них поездка на работу за рубеж является единственным шансом на радикальное и долговременное улучшение материального положения и социального статуса своей семьи. Миновали «лихие девяностые», когда для вхождения в ряды новой мелкой северокорейской буржуазии — появившейся как раз в то время — требовался лишь очень скромный, почти символический, начальный капитал. В наше время для того, чтобы начать свой бизнес, нужны суммы, которые измеряются тысячами долларов и, соответственно, находятся за пределами того, что за приемлемый срок может накопить большинство рядовых жителей страны. Для человека, который не имеет соответствующих связей, поездка на работу за границу является едва ли не единственной возможностью получить такой стартовый капитал. В случае финансово успешного завершения поездки — исход, который не гарантирован, но весьма вероятен, — бывший рабочий может рассчитывать на то, что киоск или мастерская будет приносить семейству стабильный и неплохой доход. Например, киоск или место на рынке в Пхеньяне в 2015–2016 гг. стоили те самые 4–5 тыс. долл., которые в среднем привозил из поездки в Россию рабочий-строитель. При правильном вложении такие коммерческие минипредприятия давали владельцам доход на уровне 150–200 долларов в месяц, т. е. обеспечивали для семьи уровень доходов, в два-три раза превосходящий средний уровень в столице.

Отбор на работу: взятки, блат и конкурентная борьба

Таким образом, значительная часть жителей КНДР хотела бы быть отправленными на работу за рубеж, и, как и следовало ожидать, многие из потенциальных кандидатов делают все возможное, чтобы попасть в число отправляемых за границу рабочих. Если учесть и крайнюю привлекательность такой работы, и ее ограниченную доступность, то легко понять, что за право работать по 10–12 часов в день в сибирской тайге или, скажем, аравийской пустыне, шла — и идет — жесткая борьба.

Чтобы попасть в число отправляемых за границу рабочих, кандидаты активно используют свои связи и практически всегда дают взятки тем официальным лицам, благожелательное отношение которых увеличивает их шансы на успех. Следует иметь в виду, что никакого открытого набора на работу за границу в КНДР не про-

водится: кандидаты на работу за рубежом отбираются государственными и партийными органами в соответствии с поступающими к ним разнарядками. Теоретически считается, что к кандидату на работу за границей с соответствующим предложением должны обратиться по месту работы, причем инициатива должна исходить «сверху», от начальства кандидата. Однако на практике все наши респонденты не ждали милостей от природы и начальства, а активно добивались того, чтобы попасть в число лиц, направляемых на работу за границу.

Для того чтобы в принципе рассматриваться в качестве возможного кандидата на работу за границей, гражданин КНДР должен соответствовать ряду формальных критериев, которые время от времени пересматриваются. Главная цель этих критериев очевидна — снизить вероятность того, что кандидат, оказавшись за пределами страны, решит бежать или станет вести себя неподобающим (с точки зрения властей) образом.

В первую очередь, у кандидата должен быть хороший «сонбун», т. е. происхождение: наличие родственника, который был осужден по политическим или даже обычным обвинениям, значительно снижает шансы на получение работы за рубежом, даже если с момента такого инцидента прошло много десятилетий. Вместе с тем, парадоксальным образом из отбора также исключаются и представители некоторых, казалось бы, привилегированных групп населения. В частности, не подлежат отправке за границу (в качестве рабочих, разумеется) дети высокопоставленных партийных работников и сотрудников силовых структур, а также те, кто ранее имел доступ к сведениям, составляющим государственную тайну (R1; R2). Подчеркиваю, что здесь, как и во всей настоящей статье, речь идет о физической работе за границей — куда более выгодные и куда более престижные места в зарубежных представительствах КНДР мы здесь не рассматриваем.

Кандидат должен состоять в браке и иметь детей — таким образом, власти снижают вероятность того, что, оказавшись за рубежом, рабочий решит не возвращаться на родину. В целом, как показал опыт, эта политика — фактически, система заложничества — неплохо работает. «Это же Северная Корея. Если, находясь за рубежом, я сделаю что-то не так, что случится с моей семьей? Честно говоря, если бы у меня не было семьи, я бы, наверное, не вернулся бы домой из моей поездки в Россию» (R2). Автору в свое время лично приходилось плотно общаться с северокорейским строителем, который, не слишком симпатизируя режиму семейства Кимов, рассматривал вопрос о том, чтобы отказаться от возвращения на родину, но в итоге отверг эту идею — главным образом потому, сказал он автору, что такой побег негативно отразится на будущем его детей и членов семьи.

Кандидат также не должен иметь близких родственников за границей (R2; R5). Это требование стало проблемой для респондента, у которого имелся родственник, проживающий в России, на Сахалине, но проблема была им решена с помощью небольшой дополнительной взятки (R5). Кроме этого, желательно, чтобы кандидаты положительно проявили себя в «общественной работе» (R1; R6).

Для отправки на работу в некоторые регионы (в частности на Ближний Восток) в отдельные периоды кандидат должен был быть членом правящей Трудовой партии Кореи (ТПК) (R2; R7). Однако на кандидатов на работу в России это требование не распространяется, и членство в ТПК не является для них обязательным требованием — по крайней мере, с конца 1990-х годов.

В любом случае членство в партии, не являясь обязательным, значительно повышает шансы на то, чтобы быть отобранным на работу за рубежом. В силу этого члены ТПК составляют заметное большинство — примерно 80 % — среди находящихся в России северокорейских рабочих (R1; R3; R5; R6). Уже один этот факт опровергает часто встречающиеся в мировой прессе утверждения о «рабском» характере труда северокорейских рабочих — членство в партии по определению означает, что человек относится к полупривилегированным или привилегированным слоям северокорейского общества, т. е. выезд на работу за границей рассматривается как привилегия, которая должна быть доступна, в первую очередь, политически надежному и лояльному к власти населению.

Еще одним признаком относительно привилегированного положения тех северокорейцев, которые в качестве рабочих отправляются трудиться за рубежом, является преобладание среди них жителей Пхеньяна. Жители столицы составляют среди рабочих большинство, около 70–80 %, хотя в последнее время, по некоторым данным, их доля ощутимо сократилась — в основном из-за снижения финансовой привлекательности работы за рубежом, но также и из-за появления более привлекательных альтернатив в самом Пхеньяне, который в первые годы правления Ким Чен Ына переживал некое подобие экономического бума (R6). Тем не менее, несмотря на преобладание среди рабочих выходцев из привилегированного Пхеньяна, государственные учреждения и предприятия за пределами столицы также получают из центрального аппарата квоты на отбор кандидатов для отправки за границу, и конкуренция за такие квоты за пределами столицы является еще более жесткой, чем в Пхеньяне (R3).

В ходе отбора проверяют состояние здоровья кандидата, с ним проводятся собеседования, а его руководители по месту работы готовят формальные характеристики и рекомендации. Кроме того, от кандидата обычно ожидается, что перед выездом за рубеж он сдаст технический экзамен по той специальности, по которой ему предстоит работать за рубежом — бетонщик, плиточник, каменщик и т. п.

Однако соответствие описанным выше формальным требованиям является лишь необходимым, но не достаточным условием для достижения успеха в конкурентной борьбе с другими потенциальными кандидатами на выезд за рубеж. Немалую роль в достижении успеха могут сыграть личные связи кандидата, пресловутый «блат», но в целом для того, чтобы быть отобранными на работу за границей, на протяжении всего процесса кандидатам приходится давать взятки. Все респонденты утверждали, что, начиная по крайней мере с 1980-х годов, гражданину КНДР практически невозможно получить работу за границей без выплаты взяток тем чиновникам, которые занимаются отбором и утверждением кандидатов на такую работу. Этот вывод подтверждается и работами других исследователей [7, с. 59]. Интервьюируемый пошутил: «Я, вроде бы, соответствовал всем формальным критериям, но критерии эти сами по себе были недостаточны, нужно было также давать взятки. Поэтому, чтобы в конце концов выехать на работу за рубеж, я погрузился в мир таких спецопераций» (R4).

При том, что почти всем кандидатам, стремящимся к получению работы за границей, приходится давать взятки соответствующим должностным лицам, возможно использование и иных дополнительных стратегий. Так, родители одного из респондентов, университетские профессора, были относительно бедны, так что

он просто не имел средств на то, чтобы выплатить обычные — и весьма значительные по северокорейским меркам — взятки ответственным работникам. Однако его родители сохранили связи со своими бывшими студентами, некоторые из них к тому времени занимали заметные позиции в партийном и государственном аппарате и могли составить протекцию их сыну (R3).

В данном случае связи родителей позволили кандидату существенно сэкономить на взятках. Когда он готовился к своей первой зарубежной поездке (на Ближний Восток), он заплатил взятки только за беспроблемное прохождение медицинского осмотра и квалификационного экзамена по строительной профессии, хотя вернувшись домой после несколько лет работы за границей, «подарил» около 200 долл. США тем чиновникам, благосклонность которых некогда сыграла решающую роль в его успехе. Здесь следует иметь в виду, что стандартным размером взятки за отправку на Ближний Восток в то время (около 2005 г.) считалась куда более значительная сумма — примерно 400–500 долл., причем подразумевалось, что деньги эти выплачиваются авансом, еще до выезда. Впрочем, за следующую свою поездку, в Россию, он заплатил своему начальству и иным ответственным лицам уже обычные для подобной ситуации 400 долл. (R3).

Размер взяток зависит от ряда факторов, три из которых упоминались респондентами чаще всего. Во-первых, немалое значение имеет то, в какую именно страну отправляется данный кандидат: например, за поездку в менее престижный Китай взяток дают в полтора-два раза меньше, чем за поездку в Россию или на Ближний Восток (впрочем, это не относится к рабочим строительных специальностей: строителей из КНДР в Китай не отправляют в принципе). Во-вторых, важны связи: как уже упоминалось, люди с нужными связями часто платят меньше (R4; R3). В-третьих, немалую роль играет «сонбун», или семейное происхождение (точнее, политическая благонадежность родителей, более далеких предков и ближайших родственников кандидата). Кандидат, у которого есть проблемы с семейным происхождением, вынужден тратить на взятки больше, чем выходец из политически безупречной семьи. Например, респондент говорит, что человек с особо проблематичным «сонбуном» за отправку в Россию, скорее всего, будет вынужден заплатить в качестве взяток 800–1000 долларов, что в два с лишним раза превышают ту сумму, выплата которой обычно ожидается от человека из политически благонадежного семейства (R4).

Большинство респондентов подчеркивали, что в наши дни достаточно крупная взятка может решить более или менее любую проблему: «В Северной Корее нет ничего, что нельзя сделать, если у тебя достаточно денег. Там сейчас полный капитализм. <…> Например, если вы готовы отдать в качестве взятки, скажем, 3000 долларов, то вас отправят за границу работать даже в том случае, если ваш отец был исключен из партии, а ваша мать находится в тюрьме по политическому обвинению. Чиновники [которые берут взятки] подделают все нужные документы, и вы отправитесь зарабатывать деньги в России или Ливии» (R3). Вместе с тем, по словам некоторых из респондентов, человек с безупречным прошлым, хорошими связями и высокой профессиональной квалификацией имеет некоторые шансы на то, чтобы быть отправленным за границу даже в том случае, если он не станет платить взятки и ограничиться лишь скромными «подарками» соответствующим должностным лицам (R3; R7). Впрочем, такие случаи редки: в целом все наши респонденты платили взятки за привилегию быть отобранным на работу за границу.

В начале 2010-х годов типичный размер взяток, которые должен был заплатить для выезда в Россию рабочий без особых проблем с политической благонадежностью, составлял приблизительно 400–500 долл. Один из респондентов подсчитал, что он потратил на взятки 500 долл. (R1), другой, который около 2010 г., добиваясь права на выезд на работу в Россию, сам потратил на взятки 400 долл., сказал, что обычная сумма тогда составляла «от 400 до 500 долларов» (R3). Третий в 2005 г. потратил на взятки 300 долл. наличными и «около 200 долларов на подарки», так что общая сумма была близка к 500 долл. (R4). Ещё один потратил на подкуп чиновников около 350 долл. (R5). Интересно, что эта сумма включала небольшую выплату, которая гарантировала, что полицейские власти проигнорируют некоторые проблемные детали семейного происхождения респондента: он имел родственника на Сахалине, что теоретически лишало его права на работу за рубежом. С другой стороны, респондент R6, который отправился на работу в Россию позже, чем остальные, сообщает, что в 2012–2014 гг. размер взяток уменьшился примерно в два раза, поскольку работа в России потеряла часть своей прежней привлекательности. В первую очередь это стало результатом снижения курса российского рубля в 2014 г.

Как уже говорилось выше, для среднестатистического жителя КНДР 400 долл. представляют собой значительную сумму. Многим респондентам поэтому приходилось полагаться на помощь со стороны родственников, которые ссужали их необходимыми для «лоббирования» денежными средствами. И сами респонденты, и их окружение воспринимали взятки, а также время, потраченное на обучение необходимым профессиональным навыкам, как рациональные инвестиции в будущее.

Согласно системе, которая действует с начала 2000-х годов, большинство отобранных кандидатов сначала направляют в пхеньянскую Компанию строительных работ за рубежом (корейск. тэве консоль саопсо), на объектах которой они проходят обучение — речь здесь идет, понятно, о строителях, так как относительно немногочисленные рабочие иных специальностей готовятся к своим загранкомандировкам в компаниях соответствующего профиля. Компания строительных работ за рубежом была первоначально создана специально для того, чтобы служить в качестве учебного центра для тех рабочих строительных специальностей, которые готовились к отправке за границу.

Некоторые из отобранных для работы за рубежом кандидатов действительно являются квалифицированными рабочими с многолетним опытом, в то время как другие вообще не имеют никаких профессиональных навыков и никогда не работали по той специальности, по которой им придется трудиться за границей. По оценкам одного из интервьюируемых, неизбежно несколько приблизительным, примерно половина рабочих в конце 1990-х годов практически не имели опыта строительных работ на момент их прибытия в Россию, поэтому их приходилось обучать на месте (R2). Это не обязательно становится серьезным бременем, так как на объектах есть нужда и в малоквалифицированных рабочих.

Как и следует ожидать, неквалифицированным рабочим платят значительно меньше, чем их квалифицированным коллегам. Поэтому некоторые респонденты, такие как R6, R3 или R5, сознательно решили отложить свой отъезд за границу и провести больше времени в Северной Корее, работая там в сфере жилищного

строительства за, в общем-то, символическую плату и набираясь навыков и опыта перед поездкой за границу. Все эти респонденты считали, что подобный подход увеличивал их будущие заработки, так как повышал их квалификацию (никто из этих респондентов ранее не работал по тем специальностям, по которым им предстояло трудиться за рубежом).

После окончания обучения рабочий может быть отправлен за границу, но выезд не гарантирован: среди людей, которые, пройдя соответствующие проверки и уплатив соответствующие взятки, были утверждены в качестве кандидатов на зарубежную работу и приняты для стажировки в учебные центры, есть и такие, которые в итоге так и не выезжают за границу (R3). Поэтому взятки часто приходится давать еще раз, дабы гарантировать, что за завершением обучения действительно последует столь желанная зарубежная командировка. Последними препятствиями на пути к ней являются медицинский осмотр и квалификационный экзамен.

Респондент R3 высказал мнение о том, что шансы на успешное прохождение как технического экзамена, так и медицинского обследования существенно снижаются в том случае, если обследованный не платит врачам и экзаменаторам. Сам R3 за прохождение медицинского обследования в 2005 г. заплатил 30 долл., а в 2011 г. это обследование обошлось другому интервьюируемому в 50 долл. (R6). Дабы гарантировать прохождение медицинского осмотра и квалификационного экзамена, давал взятки и респондент R1.

Но есть и совершенно иные свидетельства. Так, R5 заявил, что он не платил взятки во время медицинского осмотра, так как считал себя «совершенно здоровым» (хотя он заплатил немало других взяток). R6, напротив, решил платить взятки врачам, хотя сам считал, что находится в хорошей физической форме. Он объяснил это тем, что «никогда не знаешь, какое у тебя реально состояние здоровья, и даже если чувствуешь себя очень хорошо, у тебя могут найти что-то такое, что может помешать выехать за границу». Последнее замечание любопытно тем, что с точки зрения данного респондента возможные медицинские проблемы являются не более чем неприятным препятствием на пути к успеху — препятствием, которое следует обойти любым путем, в том числе и за счет собственного здоровья. Этот подход опять хорошо показывает, насколько притягательной для жителей КНДР является работа за рубежом.

Заключение

Таким образом, положение северокорейских рабочих за рубежом является очень противоречивым. С одной стороны, и в России, и в иных странах они трудятся в крайне тяжелых условиях. Нарушения техники безопасности, исключительно продолжительные смены, отсутствие выходных, тяжелые условия проживания воспринимаются ими как норма. Кроме того, рабочие находятся под постоянным надзором властей, которые в той или иной степени (иногда — очень жестко) ограничивают их право на передвижение и в целом тщательно регламентируют их поведение за границей. Наконец, не менее половины дохода рабочих в принудительном порядке изымается представителями властей. Конечно, следует иметь в виду, что все вышеперечисленное относится и к условиям труда и жизни на предприятиях в самой Северной Корее. Тем не менее может показаться, что речь действительно идет о подневольной

рабочей силе, так что весьма распространенный (в общем, доминирующий) в западных СМИ нарратив «рабского труда» выглядит вполне оправданным.

Однако сами граждане КНДР, как показано выше, в своем большинстве стремятся к тому, чтобы получить возможность некоторое время потрудиться в таких условиях. Более того, для получения работы за рубежом они готовы вкладывать немалые средства, рисковать здоровьем, и, конечно, нарушать закон. При этом нельзя сказать, что в своем стремлении в сибирскую тайгу или ливийскую пустыню они руководствуются мифами — напротив, в своей массе кандидаты неплохо представляют, какие именно условия труда ждут их за границей, ведь почти у любого жителя КНДР среди сослуживцев, родственников или соседей сейчас найдется человек, который какое-то время проработал за рубежом. Таким образом, жители КНДР, всеми правдами и неправдами добиваясь возможности выехать на работу за рубеж, делают выбор, который является вполне осознанным и, в конечном итоге, глубоко рациональным.

В ситуации, которая с давнего времени существует в КНДР, заработки за рубежом — даже с учетом изъятия большой части дохода в пользу государства — радикальным образом превосходят все те доходы, на которые подавляющее большинство северокорейских рабочих и ИТР могли бы рассчитывать, отработав примерно то же время внутри страны. Огромная финансовая привлекательность работы за границей означает, что жители КНДР готовы идти на большой риск для того, чтобы эту работу получить. Несмотря на то что некоторым из них суждено вернуться на родину с пустыми руками, а часто — и с подорванным здоровьем, большинство из них считает риск оправданным. Учитывая, что они опираются на огромный коллективный опыт (за границей за последние десятилетия побывали сотни тысяч жителей страны), подобные расчеты, скорее всего, вполне верны.

Вдобавок, в условиях «ползучей приватизации», когда в КНДР быстро растет мелкий и средний частный бизнес, у рабочих появилась возможность использовать заработанные за рубежом деньги не для разового повышения собственного жизненного уровня и покупки престижных товаров, а в качестве стартового капитала для семейного бизнеса. Такой бизнес, при некотором везении и усилиях, может обеспечивать семью неплохим доходом на протяжении очень долгого времени. Однако для большинства жителей КНДР непреодолимым препятствием на пути к созданию собственного бизнеса является то обстоятельство, что размеры необходимого стартового капитала превосходят все те сбережения, которые могут быть у рядового жителя страны. Однако поездка за рубеж дает немалый шанс на преодоление этого барьера.

Именно то обстоятельство, что работа за рубежом считается столь привлекательной, что к ней так активно стремятся, во многом делает возможным само существование экспорта северокорейской рабочей силы за рубеж, в том числе и в Россию. Скорее всего, даже предпринимаемые в последние годы под эгидой Совета Безопасности ООН попытки сделать экспорт рабочей сил незаконным не смогут его полностью остановить и обречены в долгосрочной перспективе — слишком уж велика заинтересованность всех сторон, включая не в последнюю очередь и самих рабочих, в продолжении этого проекта.

Понятно, что сами рабочие стоят перед непростым выбором. Однако они вынуждены действовать в рамках объективных обстоятельств, изменить которые они

не в силах, и они активно приспосабливаются к этим, крайне неблагоприятным, обстоятельствам.

Литература

1. *Luhn A.* 'Like prisoners of war': North Korean labour behind Russia 2018 World Cup // The Guardian. June 4, 2017. URL: https://www.theguardian.com/football/2017/jun/04/like-prisoners-of-war-north-korean-labour-russia-world-cup-st-petersburg-stadium-zenit-arena (дата обращения: 25.02.2020).

2. *Higgins A.* North Koreans in Russia Work 'Basically in the Situation of Slaves' // The New York Times. July 11, 2017.

3. *Luhn A.* Russia hiring North Korean 'slave' workers despite UN sanctions // Telegraph. August 3, 2018.

4. *O'Reilly A.* Kim Jong Un sends North Korean slaves to Russia to earn cash for regime // Fox News. July 14, 2017. URL: https://www.foxnews.com/world/kim-jong-un-sends-north-korean-slaves-to-russia-to-earn-cash-for-regime (дата обращения: 25.02.2020).

5. *Головнин В.* Жизнь в России гастарбайтеров из КНДР — это концлагерь, но они прилагают немало усилий, чтобы попасть в рабство // Новая Газета. 2017. 10 июля.

6. 추 성하. 북한 노동자의 꿈 : 해외로 파견 [*Чу Сонъ-ха.* Мечта северокорейского рабочего: быть отправленным за границу] // 토냐 일보 [Тонъа ильбо]. 2014. 7 октября.

7. 이통 훈 이성주. 뇌물과 빚을지고도 해외로 나가십시오 [*Ли Сынъ-чжу, Ли Тонъ-хун.* Выехать за границу, даже ценой взяток и долгов] // 토닐 한국[Тхонъиль Хангук]. 2015. № 4. С. 58–60.

8. *Дин Ю. И.* Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграции в советское и российское общество. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2015. 332 с.

9. *Троякова Т. Г.* Рабочая сила из КНДР на российском Дальнем Востоке: история и современное состояние // Ойкумена. 2017. № 2. С. 81–90.

10. Число иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу в России, снизилось до 174 тысяч человек // Демоскоп Weekly. 2016. № 697–698. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0697/barom06.php (дата обращения: 25.02.2020).

11. North Korean Workers in Russia: Reality Behind Western Horror Stories // Sputnik. November 30, 2016. URL: https://sputniknews.com/asia/201611301048015988-noth-korean-workers-in-russia/ (дата обращения: 23.02.2020).

12. *Connell J.* North Korea: Labour migration from a closed state // Migration, Mobility & Displacement. 2016. No. 2. P. 63–75.

13. *Gyupchanova T.* Labor and Human Rights Conditions of North Korean Workers Dispatched Overseas: A Look at the DPRK's Exploitative Practices in Russia, Poland, and Mongolia // Cornell International Law Journal. 2018. No. 1. P. 184–217.

14. United States Department of State. Trafficking in Persons Report, 2017. Washington: Department of State, 2018. URL: https://www.state.gov/documents/organization/271339.pdf (дата обращения: 23.02.2020).

15. The Conditions of the North Korean Overseas Labor. Seoul: International Network for the Human Rights of North Korean Overseas Labor, 2012. 61 p.

16. *Захарченко И.* На стройках в России в этом году погибли 13 северокорейских рабочих // РИА Новости. 20 сентября, 2016. URL: https://ria.ru/incidents/20160920/1477375320.html (дата обращения: 20.02.2020).

17. С 2006 года число погибших на производстве снизилось в два раза. Минтруд России. 9 сентября, 2016. URL: https://rosmintrud.ru/labour/safety/226 (дата обращения: 20.02.2020).

18. Труд и занятость в России, 2017. М.: Росстат, 2017. 262 с.

19. 그리고 이리아 호 이리아. Primorsky Territory와 인권에있는 북한 노동자의 상황 [*И Эриа, Ли Чханъ-хо*. Положение северокорейских рабочих в Приморском крае и права человека]. Сеул: Тхонъильвон, 2015.

20. 그리고 에리아. 북한 노동자들이 해외에서 사는 방식입니다 [*И Эриа*. Так живут северокорейские рабочие за границей] // 토닐 한국 [Тхонъиль Хангук]. 2017. № 8.

21. 북한의 철강 산업 숙련공들의 급여는 급격히 증가하여 백만 원에 이르렀다. [Зарплаты квалифицированных рабочих на предприятиях черной металлургии Северной Кореи резко выросли, достигнув уровня в один миллион вон] // *DailyNK.* 2015. 23 октября.

22. 조현. 북한에서는 가정부가 15 달러를 벌고있다 : 비공식 경제에서 노동자의 임금은 얼마인가? [*Чо Хён. В* Северной Корее, домработница зарабатывает 15 долларов: каковы заработки у рабочих в неформальной экономике?] // DailyNK. 2018. 23 июля.

23. 정은이. 북한 부동산 시장의 꿈 [*Чон Ын-и.* Мечты северокорейского рынка недвижимости] // 톤 일 사이드 [Тхонъиль сидэ]. 2015. № 106. URL: http://webzine.nuac.go.kr/tongil/sub.php?number=847 (дата обращения: 21.02.2020).

24. 북한 부동산 딜러의 출현과이 과정의 결과 분석 [Анализ появления торговцев недвижимостью в Северной Корее и последствия этого процесса] // KDI Review of the North Korean Economy. 2016. № 9.

25. *Lankov A., Kim SeokHyang.* Useless Men, Entrepreneurial Women, and North Korea's Post-Socialism: Transformation of Gender Roles Since the Early 1990s // Asian Journal of Women's Studies. 2014. No. 2. P. 507–525.

Статья поступила в редакцию 29 января 2020 года
Статья рекомендована в печать 15 апреля 2020 года

Контактная информация:

Ланьков Андрей Николаевич — канд. ист. наук, проф.; st007794@spbu.ru

North Korean workers in Russia: Selection criteria and motivation of laborers

A. N. Lankov

Kookmin University, Seoul,
77, Jeongneung-Ro, Seongbuk-Gu, Seoul, 02707, Republic of Korea

For citation: Lankov A. N. North Korean workers in Russia: Selection criteria and motivation of laborers. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2020, vol. 13, issue 2, pp. 206–224. https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.206 (In Russian)

Over the past 70 years, North Korean workers have been present in Russia/USSR almost constantly. In the mid-2010s, their numbers exceeded 30 thousand, and most were in the construction industry. Their working conditions are harsh, however, inside North Korea such jobs have always been greatly coveted, leading to a fierce competition for the chance to work abroad. This is due to the fact that working abroad, including in Russia, despite extremely difficult conditions and significant compulsory wage deductions, still makes it possible for a majority of the North Korean workers to save sums which are very significant, by (meager) North Korean standards. These funds are usually then invested to form the foundations of some small private family business (a market stall, an eatery, a workshop), and in such capacity can ensure the well-being of a family for years and decades to come. The article demonstrates that the widespread perceptions of North Korean workers as "slaves" and "bonded unfree labour" are remarkably divorced from reality. It would be an understatement to say that the workers have volunteered for work. Actually, in order to be selected for an overseas work stint, almost all candidates are engaged in a fierce competition, they usually pay significant bribes to the officials and use all available personal connections to secure a job. It is significant that authorities while selecting people for manual work overseas tend to give preference to privileged groups (party members and residents of Pyongyang). The article makes extensive use of interviews with North Korean construction workers.

Keywords: migration, DPRK, foreign workers, Russia, corruption.

References

1. Luhn, A. (2017), 'Like prisoners of war': North Korean labour behind Russia 2018 World Cup, *The Guardian*, June 4. Available at: https://www.theguardian.com/football/2017/jun/04/like-prisoners-of-war-north-korean-labour-russia-world-cup-st-petersburg-stadium-zenit-arena (accessed: 25.02.2020).

2. Higgins, A. (2017), North Koreans in Russia Work 'Basically in the Situation of Slaves', *The New York Times,* July 11.

3. Luhn, A. (2018), Russia hiring North Korean 'slave' workers despite UN sanctions, *Telegraph*, August 3.

4. O'Reilly, A. (2017), Kim Jong Un sends North Korean slaves to Russia to earn cash for regime", *Fox News*, July 14. Available at: https://www.foxnews.com/world/kim-jong-un-sends-north-korean-slaves-to-russia-to-earn-cash-for-regime (accessed: 25.02.2020).

5. Golovnin, V. (2017), The life of North Korean migration workers in Russia is akin to a life in a concentration camp, but they invest a lot of efforts to be enslaved like this, *Novaia gazeta*, July 10. (In Russian)

6. Ju Seong-ha (2014), North Korean worker's dream: being sent overseas, *Donga Ilbo*, October 7. (In Korean)

7. Yi, Seung-ju and Yi, Dong-hun (2015), Getting sent overseas even it means getting debt and paying bribes, *Tongil Hanguk*, no. 4, pp. 58–60. (In Korean)

8. Din Iu (2015), *The Korean Diaspora of Sakhalin Island: the Problems of Repatriation and Integration into the Soviet and Russian Society.* Iuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskaia oblastnaia tipografiia Publ. (In Russian)

9. Troiakova, T. (2017), The DPRK labour force at the Russian Far East: history and the current situation, *Oikumena,* no. 2, pp. 81–90. (In Russian)

10. The number of foreign nationals with valid work permits in Russia decreased to 174 thousand (2016), *Demoskop Weekly,* no. 697–698. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0697/barom06.php (accessed: 25.02.2020). (In Russian)

11. North Korean Workers in Russia: Reality Behind Western Horror Stories (2016), *Sputnik*, November 30. Available at: https://sputniknews.com/asia/201611301048015988-noth-korean-workers-in-russia/ (accessed: 23.02.2020). (In Russian)

12. Connell, J. (2016), North Korea: Labour migration from a closed state, *Migration, Mobility & Displacement*, no. 2, pp. 69–70.

13. Gyupchanova, T. (2018), Labor and Human Rights Conditions of North Korean Workers Dispatched Overseas: A Look at the DPRK's Exploitative Practices in Russia, Poland, and Mongolia, *Cornell International Law Journal*, no. 1, pp. 184–217.

14. United States Department of State (2018), *Trafficking in Persons Report, June 2017*. Available at: https://www.state.gov/documents/organization/271339.pdf (accessed: 23.02.2020).

15. International Network for the Human Rights of North Korean Overseas Labor, (2012), *The Conditions of the North Korean Overseas Labor*. Seoul, International Network for the Human Rights of North Korean Overseas Labor.

16. Zaharchenko, I. (2016), 13 North Korean workers died at the Russian construction sites this year, *RIA Novosti*, September 20. Available at: https://ria.ru/incidents/20160920/1477375320.html (accessed: 20.02. 2020). (In Russian)

17. *Ministry of Labor. The number of fatal industrial incidents victims halved since 2006* (2006), September. Available at: https://rosmintrud.ru/labour/safety/226 (accessed: 20.02.2020). (In Russian)

18. *Labour and employment in Russia* (2017), Moscow, Rosstat Publ. (In Russian)

19. Yi Aeria and Yi Chang-ho (2015), *Yeonhaeju jiyeok bukhan nodongja-eui siltae-wa ingwon* [*The situation and human rights of the North Korean workers at the Maritime Province*]. Seoul, Tongilwon Publ. (In Korean)

20. Yi Aeria (2017), How the North Korean overseas workers live, *Tongil Hanguk*, no. 8, pp. 38–39. (In Korean)

21. The monthly salaries of skilled workers at the steel mills in North Korea dramatically increase to one million (2015) *DailyNK*, October 23. (In Korean)

22. Jo Hyeon (2018), In North Korea, a housemaid monthly wage is $15: How much workers earn in an informal economy? *DailyNK,* July 23. (In Korean)

23. Jeong Eu (2015), The North Korean real estate market dreaming dreams, *Tongil sidae*, no. 106. Available at: http://webzine.nuac.go.kr/tongil/sub.php?number=847 (accessed: 21.02.2020). (In Korean)

24. The study of the rise of North Korean real estate traders (2016), *KDI Review of the North Korean Economy*, no. 9. (In Korean)

25. Lankov, A. and Kim SeokHyang (2014), Useless Men, Entrepreneurial Women, and North Korea's Post-Socialism: Transformation of Gender Roles Since the Early 1990s, *Asian Journal of Women's Studies*, no. 2, pp. 507–525.

Received: January 29, 2020
Accepted: April 15, 2020

Author's information:

Andrei N. Lankov — PhD, Professor; st007794@spbu.ru